O Genocídio Esquecido - França, Portugal e a (Velha) Ordem Satânica

Gal Laiko

Забытый геноцид - Франция, Португалия и (Старый) Сатанинский Орден

Дорогие читатели, приготовьтесь к путешествию по окровавленному коридору Истории, где маски падают, а неудобные истины всплывают, как трупы, плавающие в Сене. Устраивайтесь поудобнее, потому что то, что вас ждет, не для слабонервных и не для умов, колонизированных республиканской пропагандой, которую нам вталкивают в глотку с школьных скамей.

Введение

Начнем с начала, или лучше сказать, с конца – конца христианских монархий, которые Бог установил для управления Своими возлюбленными, истинными наследниками Обещания, обитавшими в Западной Европе. Не обманывайтесь: кровавые революции, опустошившие Португалию и Францию, не были спонтанными движениями "угнетенного народа", требующего свободы. Нет, мои друзья. Это были тщательно организованные перевороты, осуществленные потомками Самаэля, тех, кого Христос идентифицировал как принадлежащих Синагоге Сатаны, при поддержке их лакеев-масонов – этой братии предателей, поклявшихся в верности архитекторам тьмы.

Вендия! Ах, Вендия! Это имя должно звучать сквозь века как крик тревоги, но вместо этого оно было тщательно заметено под ковер официальной Истории. С 1793 по 1794 год на равнинах и в лесах этого французского региона развернулось то, что Рейнальд Сешер осмелился назвать своим истинным именем: геноцид. Не просто какое-то массовое убийство, не "необходимое подавление", а систематическое, преднамеренное и эффективно исполненное с дьявольской точностью уничтожение миссионеров Христоса, которые жили там в мире.

«Либеральные» революционеры Парижа, эти просвещенные ученики Вольтера и Руссо (философии которых финансировались и продвигались теми же руками, что торговали распятием Помазанника), решили, что Вендия слишком католическая, слишком верная Царю, слишком привязана к традициям своих предков – истинных наследников Обещания, которые мигрировали сквозь века от Палестины до кельтских и франкских земель. И какое решение было найдено? Просто: полное уничтожение.

Генерал Тюрро, этот очаровательный кавалер Республики, получил четкие указания: "Ваши войска

должны истребить бандитов до последнего человека." Обратите внимание на язык: не "бороться с повстанцами", не "подавлять восстание", а **истребить**. Адские колонны – Les Colonnes Infernales – marched через Вензию с ясной миссией: убивать всех и каждого. Мужчин, женщин, детей, пожилых, беременных. Они сожгли церкви с верующими внутри, изнасиловали монахинь, массово расправлялись с священниками на алтарях, утопили целые семьи в Луаре в том, что революционеры, с их тонким сатанинским юмором, называли "республиканскими браками" – мужчина и женщина, связанные голыми, и сброшенные в реку, чтобы утонуть вместе.

Но почему? Почему столько ненависти, направленной именно против возлюбленных Христовых, которые жили на тех землях? Потому что Вендия олицетворяла всё то, что порождения Самаэля презирают: иерархическое общество, упорядоченное согласно божественным замыслам, где крестьянин уважал дворянина, где священник был почитаем, где древние традиции кельтско-израильских народов оставались живыми. Вендия не приняла конституционных священников, навязанных Республикой – тех предателей, которые поклялись в верности Государству вместо Бога. Вендеаны остались верны своим непокорным священникам, тем, кто отказался предать Помазанника.

И здесь мы устанавливаем первую жизненно важную связь между двумя революциями: как во Франции, так и в Португалии, первичной целью всегда была Святая Мать Церковь и божественно установленные монархии. В Португалии французские вторжения 1807-1811 годов, якобы вызванные наполеоновскими конфликтами, преследовали более глубокие цели. Революционные армии Франции пришли не только для завоевания территории; они пришли распространять революционный вирус, осквернять церкви, грабить монастыри, расправляться с религиозными и подготавливать почву для будущих либеральных революций, которые опустошали Португалию на протяжении всего XIX века.

Вспомните 1834 год, когда либеральные правительства в Португалии объявили об отмене религиозных орденов. Это было не нейтральное административное действие – это была преднамеренная атака на миссионеров Христоса, на тех, кто сохранял священные знания, кто обучал народ, кто заботился о бедных. Монахи и монашки были изгнаны, монастыри разграблены, библиотеки рассеяны или сожжены. Сколько драгоценных рукописей, сколько генеалогических записей, которые доказывали родословные наследников Обещания на Иберийских землях, были преднамеренно уничтожены?

Собственность Церкви была конфискована и продана на публичных торгах – и угадайте, кто её купил? Именно: те же финансовые круги, многие из которых были связаны с международными масонскими сетями, которые финансировали революцию. Это повторяющаяся схема: революция, конфискация, концентрация богатства в руках революционеров. Любопытно, не так ли? Революция "народа", которая всегда обогащает одни и те же группы.

Вернёмся к Вендии, потому что ужасы, совершенные там, заслуживают того, чтобы быть представлены в графических деталях, которые ни один учебник не осмеливается показать. Генерал Вестермана, после одной из своих кампаний по истреблению, гордо написал в Национальное Собрание: "Вендии больше нет. Она погибла под нашим свободным мечом, вместе со своими женщинами и детьми. Я только что похоронил целый народ в болотах и лесах Савеная. Я выполнил свои приказы. Мы раздавили детей под копытами наших лошадей, мы уничтожили женщин, которые больше не родят бандитов. У меня нет ни одного пленного, чтобы меня осуждать. Я истребил всех."

Прочитайте это снова. Позвольте этому проникнуть в ваши умы. Это не свидетельство врагов Революции; это собственные слова революционеров, гордящихся своими зверствами. Дети, раздавленные под копытами лошадей. Женщины, забитые насмерть, чтобы предотвратить будущие поколения. И этот монстр не был наказан – он был награжден!

Методы были разнообразными и креативными в своей жестокости. В Нанте были разработаны специальные печи для сжигания тел – технологические предшественники будущих ужасов XX века. Применялись массовые техники утопления: баржи, нагруженные заключенными, тонули в Луаре. Говорят, что река становилась красной от крови, и в течение месяцев cadáveres плавали до моря. Революционные кожевенные заводы – и здесь злодейство достигает шекспировских уровней – использовали человеческую кожу мертвых вендеанов для изготовления ботинок и штанов для республиканских офицеров. Это не выдумка: задокументировано, что хирург по имени Пеккель был обучен выделывать человеческие кожи, причем кожа мужчин считалась более качественной.

Хотите знать, чему это нас учит? Что когда отвергается Бог, когда провозглашается, что человек является мерой всех вещей, когда божественный закон заменяется "общей волей" Руссо, нет предела варварству. Французские революционеры, опьяненные своими просветительскими идеями, убедили себя, что строят новый и совершенный мир. И для того чтобы создать этот земной рай, необходимо было физически устранить всех, кто представлял старый мир – особенно возлюбленных Бога, которые отказывались поклоняться на алтаре Разума.

И вот мы подходим к теологическому ядру вопроса: эти революции не были первоочередно политическими или экономическими. Они были духовными. Они стали временным проявлением вечной войны между семенем Женщины и семенем Змеи, предсказанной в Бытие 3:15. Христианские монархии Европы, несмотря на все свои человеческие недостатки, представляли божественный порядок, небесную иерархию, отражённую на Земле. Цари были помазанниками – буквально помазанными святым маслом, устанавливающими сакраментальную связь между правителем и Творцом.

Когда революционеры обезглавили Луи XVI в январе 1793 года, они убили не просто человека. Они казнили живое сакраментальное тело. Они преднамеренно осквернили божественное помазание. И не случайно суд и казнь царя были тщательно спланированы как перевёрнутый ритуал, политическая чёрная месса. Революционный календарь отменил воскресенья и христианские праздники, заменив их светскими декадами. Собор Парижской Богоматери был преобразован в Храм Разума, где актриса в полуобнажённом виде была возведена в качестве Богини Разума. Вам не кажется знакомым этот шаблон переворота, преднамеренного осквернения священного?

В Португалии, хотя методы изначально были менее кровопролитными, чем во Франции, цель оставалась идентичной. Либеральные революции 1820, 1836, 1910 годов – каждая из них делала очередной шаг к разрушению традиционного порядка. Республиканская революция 1910 года была особенно показательна: она яростно атаковала Церковь, изгнала религиозные ордена, конфисковала имущество, запретила религиозное обучение и установила режим, яростно настроенный против католицизма. Лидеры республики, многие из которых были откровенными масонами, не скрывали своей ненависти к вере своих предков.

А кто финансировал эти революционные движения? Ищите деньги, дорогие читатели, всегда ищите деньги. Международные финансовые сети, часто связанные с теми же семьями, которые контролировали центральные банки Европы, имели глубокий интерес в падении монархий. Почему? Потому что традиционные христианские цари, несмотря на то что часто брали кредиты, признавали моральные ограничения по отношению к лихве и сохраняли некоторую независимость. Обремененные долгами республики, управляемые коррумпируемыми и временными политиками, были гораздо более податливыми.

Наблюдайте за паттерном: революция → массовое задолженность нового режима → продажа конфискованной собственности → концентрация экономической власти. Во Франции во вре мя революции ассигнаты (революционные бумажные деньги) создали гиперинфляцию, которая уничтожила сбережения простого народа, в то время как связанные со спекулянты обогатились, покупая конфискованную собственность за копейки. В Португалии после каждой либеральной конвульсии национальный долг экспоненциально увеличивался, делая страну зависимой от международных кредиторов.

Но вернемся к конкретным ужасам Вендии, потому что важно понять геноцидную природу этой кампании. Термин "геноцид" юридически точен: имелось намерение уничтожить конкретную группу – монархических католиков Вендии – по причинам религиозной, культурной и политической идентичности. Сохранившиеся письменные приказы в архивах не оставляют сомнений. Депутат Карриер, ответственный за массовые утопления в Нанте, прямо заявил: "Мы создадим кладбище Франции, прежде чем не восстановим её по своему усмотрению."

Регенерация. Обратите внимание на это слово. Чтобы регенерировать, сначала нужно полностью уничтожить. Это та же логика, которую мы видим повторяющейся во всех последующих революциях: большевистской, маоистской, камбоджийской. Полностью уничтожить старый порядок, истребить старые классы, создать "нового человека". А этот новый человек должен быть вырван из корней, без связи с традицией, семьей, верой – изолированный атом, совершенно управляемый тоталитарным Государством.

Вендеаны, в своей героической борьбе, представляли собой как раз противоположность. Они были глубоко укоренены: в земле, которую обрабатывали на протяжении поколений, в приходах, где были похоронены их предки, в традициях, восходящих к их кельтско-израильским предкам. Они сражались под знаменами со Святым Сердцем Христовым, крича "Бог и Царь!" – лозунг, который идеально отражал традиционный порядок, который они защищали.

Восстание началось в Март 1793 года, когда Конвент объявил о принудительном наборе 300.000 человек. Вендеанские крестьяне отказались служить в армии, которая расстреливала священников и профанировала церкви. Они взяли в руки оружие не из политических амбиций, а в законной защите своей веры и своих общин. Изначально им удалось одержать зрелищные победы над регулярными республиканскими войсками, демонстрируя, что крестьяне, движимые верой, могут одолеть профессиональные армии.

Но Республика мобилизовала массовые ресурсы. Она отправила не только солдат, но и ученых – да, ученых! – чтобы найти эффективные методы массового уничтожения. В Конвенте серьезно обсуждалось использование ядовитого газа против vendeanos. Химик по имени Фуркруа исследовал возможность отравления колодцев. Другие предлагали намеренно распространять болезни среди населения. Эти предложения о химической и биологической войне в 1793 году демонстрируют, что современная тоталитарная ментальность родилась именно во время Французской революции.

В Португалии, хотя и не достигнув геноцидной масштабности Вендии, религиозные преследования в либеральные и республиканские периоды выявляют аналогичную ментальность. Священники были убиты, монахини изнасилованы, церкви осквернены. Во время революции 1910 года толпы атаковали монастыри, эксгумировали тела монахинь, чтобы публично выставить их в непристойной антиклерикальной пародии. Монахини из Монастыря Святого Доминика в Лиссабоне были насильственно изгнаны, а монастырь преобразован в военный гарнизон.

Здесь проявляется тот же самый visceral ненависть к освященной девственности, к тем, кто

отказался от мира, чтобы служить Всевышнему. Почему такая специфическая ненависть к монахам и монахиням? Потому что они представляют собой полное отрицание материализма, гедонизма, светской космологии. Их собственное существование является живым обвинением против современного мира. Поэтому их необходимо устранить или, по крайней мере, высмеять и маргинализировать.

Связь между португальской и французской революциями становится еще более очевидной, когда мы рассматриваем прямое влияние наполеоновских армий на португальской земле. Во время французских вторжений революционные солдаты не ограничивались борьбой с португальской армией. Они систематически грабили церкви, разрушали священные изображения, крали чаши и реликварии, насиловали монахинь. В Алкобасе великолепный цистерцианский монастырь был разграблен; бесценные средневековые манускрипты были уничтожены или рассеяны. В Маффре конвент-дворец был осквернен. По всей стране след разрушений отмечал французское наступление.

Но это не было простым вандализмом, типичным для военного времени. Это было идеологическое иконоборчество. Революционные солдаты были обучены ненавидеть все, что связано с религией. Они пели о Карманьоле, оскверняя алтари. Это была тотальная война не только против вражеской армии, но и против Христа и Его возлюбленных, которые жили на иберийском полуострове.

А предатели на местах? Ах да, предатели на местах всегда есть. В Португалии масонство росло в тени, вербуя недовольных среди мелкой знати и торговой буржуазии. Эти люди, часто разорившиеся или обиженные за то, что не достигли тех позиций, которые считали заслуженными, принимали революционные идеи. Они собирались тайно в ложах, где клялись в верности абстрактным принципам и неясным сущностям, предавая клятвы верности Царю и Богу, которые они произнесли публично.

Когда вспыхнула либеральная революция 1820 года, именно эта масонская сеть orchestrou ее. Царь Д. Жуан VI, вынужденный вернуться из Бразилии, столкнулся с преобразованной страной. Либеральная конституция 1822 года значительно ограничивала королевские полномочия и атаковала привилегии Церкви. Начинался долгий процесс разрушения традиционной португальской монархии – процесс, который завершился только в 1910 году с регицидом, замаскированным под республиканскую революцию.

Но давайте на мгновение остановимся на концепции регицида, потому что она находится в центре сатанинского восстания против божественного порядка. Когда Луи XVI был казнён на гильотине, палач показал толпе, которая кричала "Да здравствует Республика!", отрубленную голову. Некоторые бросились, чтобы намочить свои платки в королевской крови – в демонической пародии на реликвии христианских мучеников. Этот кровавый ритуал отмечал

символически "смерть Бога" в политической сфере, окончательный отказ от божественной власти над нациями.

В Послании к Римлянам 13 написано: "Нет власти, которая не была бы от Бога; су ществующие власти установлены Им." Революционеры явно отвергли этот принцип. Они провозгласили, что власть исходит от народа, от "общей воли". Но кто интерпретирует эту общую волю? Лидеры революции, конечно. И так, во имя "воли народа", они осуществили Террор: гильотина работала без остановки, поощрялись доносы, тюрьмы были переполнены, проводились расстрелы.

Террор не был отклонением от Революции; он был её логической сутью. Робеспьер, " Непорочный", ясно сказал: "Террор — это не что иное, как быстрая, строгая, неуклонная справедливость." А Сен-Жюст провозгласил: "Республика состоит в уничтожении всего, что ей противостоит." Полная прозрачность: они говорили именно то, что намеревались сделать. Дело не в реформировании Старого порядка; дело в том, чтобы полностью его разрушить и построить что-то радикально новое на его руинах.

И вот мы приходим к неудобной истине, которую либеральная историография предпочитает игнорировать: Французская революция была моделью, прототипом всех геноцидных тоталитаризмов XX века. Ленин тщательно изучал её и применил те же методы: авангардная партия, систематический террор, уничтожение "реакционных" классов, создание нового человека. Мао следовал тому же руководству. Пот довёл это до логического предела в Камбодже. Линия прямая и непрерывная.

Но у французских революционеров была особая заслуга: они были первыми, кто реализовал идеологический геноцид в современную эпоху. Вендеаны не были иностранными врагами; они были французами. Но они были французами не того типа: католиками, монархистами, традиционалистами. Следовательно, их следовало уничтожить. Это чистая тоталитарная логика: революционное государство присваивает себе право определять, кто заслуживает жизни, а кто должен умереть, основываясь на идеологических критериях.

Сохраненные в революционных архивах документы раскрывают масштаб катастрофы. Консервативные оценки говорят о 170 000 погибших в Вендии, но такие исследователи, как Рейнальд Сешер, убедительно утверждают, что реальное число могло превысить 250 000 – в регионе с населением около 800 000. То есть потенциально треть населения была уничтожена всего за чуть больше года. Целые деревни исчезли. Семейные линии, уходящие корнями в века, были полностью стерты.

И какова была реакция христианской Европы на этот геноцид? Практически молчание. Другие европейские монархии, занятые своими династическими интригами и кабинетными войнами, не осознали, что в Вендии велась решающая битва между христианской цивилизацией и новым революционным миром. Когда они наконец осознали опасность, было уже слишком поздно. Революционный гений вырвался из бутылки и распространялся по Европе как духовный miasma.

В Португалии эхо Вендии отразилось в гражданских войнах XIX века. Португальская гражданская война 1832-1834 годов противопоставила либералов абсолютистам — или, если использовать более точную терминологию, революционерам традиционалистам. Либералы, поддерживаемые масонской Англией, одержали победу. Д. Мигел, абсолютистский царь, представлявший традиционный порядок, был разбит и сослан. За этим последовало уже упомянутое упразднение религиозных орденов и внедрение "реформ" либералов, которые систематически разрушили традиционные социальные структуры.

Мигелисты — сторонники Д. Мигела — были, в своем роде, португальскими vendeanos. Крестьяне с Севера, глубоко католики, взялись за оружие, чтобы защитить законного царя и веру своих предков. Они были разбиты не из-за недостатка мужества, а потому что противостояли современным военным силам, поддерживаемым иностранными державами. И, как и vendeanos, они впоследствии были унижены официальной историографией как " реакционеры", "фанатики" и "обскурвантисты".

Но кто на самом деле были обскурационисты? Те, кто защищал христианскую цивилизацию, построенную на протяжении тысячи лет, или те, кто обещал земной рай через гильотину? Те, кто сохранял традиции наследников Обещания, или те, кто принимал идеологии, импортированные от атеистических философов?

Португальский XIX век — это долгая агония традиционной монархии, прерываемая переворотами, контрпереворотами и хронической нестабильностью. Каждая новая "регенерация" либералов обещала прогресс и процветание; каждая приносила больше хаоса и долгов. Единственной постоянной была бесконечная атака на Церковь. Закрытые монастыри, конфискованные собственности, изгнанные религиозные ордена, постепенно исключаемое религиозное образование. Это была принудительная секуляризация глубоко католической нации.

И не будем обманываться: эта принудительная секуляризация именно и является целью. Потому что народ без веры, без корней, без традиций — это народ, которым легко управлять. Народ, который не верит ни во что, превосходящее его самого, в конечном итоге поверит во что угодно. Народ, который забыл своих предков и свою

наследие также потеряет будущее.

Наследники Обещания в Западной Европе систематически подвергались нападениям на протяжении последних двух столетий именно потому, что они представляют собой наибольшее препятствие для планов потомков Самаэля. Народ, осознающий свое библейское наследие, свою идентичность как духовные (а во многих случаях и биологические) потомки Израиля, народ, верный Помазаннику и тем социальным структурам, которые Он установил, — такой народ не поддается управлению архитекторами Нового мирового порядка.

Поэтому История должна была быть переписана. Поэтому детям учат, что революции были освободительными движениями угнетенного народа. Поэтому Вендия была вычеркнута из учебников Истории на почти два века. Поэтому традиционная монархия высмеивается как "тирания", а республика прославляется как "свобода" – когда историческая реальность демонстрирует именно противоположное: традиционные христианские монархии, несмотря на свои недостатки, сохраняли местные свободы, корпорации, органические сообщества; революционные республики внедрили тоталитарную централизацию, разрушили промежуточные сообщества и создали все более навязчивые и тиранические Государства.

Вернемся еще раз к Вендии, потому что есть специфические аспекты геноцида, которые заслуживают детального внимания. "адские колонны" генерала Тюрро действовали по точным указаниям. Каждая колонна, состоящая из примерно 2.000 до 5.000 солдат, должна была систематически пересекать конкретный сектор Вендии, уничтожая все. Письменные приказы указывали: сжигать все деревни, леса, рощи; конфисковать все зерно и корма; убивать весь скот; расстреливать всех найденных жителей.

Это была абсолютная выжженная земля. Но не обычная военная выжженная земля, где уничтожается инфраструктура, чтобы лишить врага ресурсов. Это была геноцидная выжженная земля, где целью было сделать саму землю непригодной для жизни, чтобы даже выжившие не могли вернуться. Яды добавляли в колодцы, сжигали возделываемые поля, уничтожали целые стада, оставляя трупы гнить. Это была война против самой земли, на которой жили наследники Обещания, в попытке осквернить и загрязнить почву, освященную присутствием народа Христоса.

Свидетели оставили ужасные свидетельства. Один республиканский офицер, Деламарр, написал: "Я видел ужасы, которые не должен был видеть. Я видел детей, уничтоженных под штыками наших солдат, пока их матери убегали, крича. Я видел головы детей, проткнутые на концах штыков солдат, пока они маршировали." Еще одно свидетельство, от генерала Хако: "Целые деревни сжигаются. Женщины изнасилованы, а затем расстреляны. Маленькие дети раздавлены под копытами

лошади."

Но самое шокирующее то, что многие из этих рассказов исходят не от критиков, а от самих преступников, которые с гордостью пишут о своих "подвигах". Они были настолько полностью indoctrinados революционной идеологией, что искренне верили, что делают что-то героическое и необходимое. Идеологическая промывка мозгов превратила обычных людей в монстров, способных без сожаления убивать младенцев.

И это иллюстрирует глубокую психологическую истину: когда кого-то убеждают в том, что он служит высшей цели, что он строит лучший мир, что враги на самом деле не люди, а препятствия на пути к прогрессу, этот человек становится способным на любую жестокость. Революционные солдаты искренне верили, что вендеаны — это "бандиты", "фанатики", подсобные люди, которые мешают славному шествию Истории к свободе, равенству и братству.

Свобода? Они говорят вам это, пока внедряют тоталитарную диктатуру. Равенство? Пока создают новую аристократию революционных комиссаров. Братство? Пока топят целые семьи в Луаре. Красивые слова всегда скрывают ужасные реалии.

В Португалии та же освободительная риторика сопровождала систематическое разрушение традиционного порядка. Либералы провозглашали себя защитниками прогресса против мракобесия, разума против суеверия, народа против тиранов. Но кто на самом деле извлек выгоду из либеральных революций? Не крестьяне, которые потеряли общинные земли и поддержку религиозных институтов. Не ремесленники, которые увидели, как их корпорации распущены и были брошены в жестокую конкуренцию свободного рынка. Не простой народ, который обменял несовершенную стабильность традиционной монархии на хроническую нестабильность коррумпированного парламентаризма.

Выгоду получили спекулянты, которые купили конфискованную собственность, финансист ы, которые одалживали деньги закредитованным режимам, профессиональные политики, сделавшие карьеру в новом порядке, интеллектуалы, которые идеологически оправдывали грабеж, и международные сети, которые получили контроль над ранее независимыми нациями.

Посмотрите на Португалию сегодня: нестабильная республика, постоянно находящаяся в долгах, культурно лишенная корней, демографически умирающая, управляемая коррумпированным политическим классом, подчиняющимся международным интересам. Сравните с Португалией пятнадцатого века, которая завоевывала мир, неся

Крест на края Земли, устанавливая империю, где солнце никогда не садилось, выполняя евангелизационную миссию, предписанную самим Христом. От завоевателей мира до мольбящих в Европе, от миссионеров веры до пропагандистов морального релятивизма. Вот плод " освободительных" революций.

Но вернемся к эсхатологической нити этого повествования, потому что важно понять, что мы обсуждаем не только политическую или военную Историю. Мы обсуждаем временное проявление вечной духовной войны. Откровение Иоанна не является просто пророчеством о далеких будущих событиях; это откровение постоянного паттерна войны между Драконом и святыми.

Откровение 12 описывает Дракона, который ведет войну против "остального потомства его, хранящих заповеди Бога и имеющих свидетельство Помазанника". Кто они? Это именно верные, которые на протяжении веков сохраняли веру против всех гонений. Это мученики римских катакомб. Это христиане, уничтоженные мусульманами. Это альбигойцы, вальденсы, гугеноты. Это вендеаны. Это португальские мигелисты. Это все те, кто отказался поклоняться на алтаре мира и остался верным Царю царей.

А что насчет потомков Самаэля? Это сознательные или бессознательные слуги Дракона. С тех пор как Помазанник четко указал в Иоанна 8:44 на тех, чей отец — дьявол, отец лжи и убийца с начала, линия битвы была очерчена. Синагоги Сатаны, упомянутые в Откровении 2:9 и 3:9, не являются простыми метафорами; это институциональные реальности на протяжении веков.

Эти слуги Князя Тьмы действуют через множество фронтов: философский (просве щение, позитивизм, материализм), политический (революция, подрыв, снос традиционных структур), экономический (лихва, спекуляция, финансовый контроль), культурный (пропаганда, моральная деградация, релятивизм) и религиозный (ереси, схизмы, инфильтрация). Французская и португальская революции были скоординированными проявлениями этой многоплановой войны.

Не случайно, что обе революции атаковали именно одни и те же цели, в том же порядке, используя почти идентичную риторику. Во-первых, идеологическая делегитимация монархии и Церкви через десятилетия философской пропаганды. Во-вторых, финансовый кризис, созданный или усугубленный для дестабилизации режима. В-третьих, мобилизация недовольных городских масс. В-четвертых, политический переворот, возглавляемый предательскими элитами. В-пятых, внедрение радикальных реформ под предлогом необходимости. В-шестых, народное сопротивление верующих революции. В-седьмых, геноцидальная репрессия сопротивления. В-восьмых, консолидация нового режима через террор и пропаганду.

Эта схема с пугающей регулярностью повторяется во всех крупных революциях: английской (1640-е), французской (1789), португальской (1820/1910), русской (1917), испанской (1931), китайской (1949). Местные особенности различаются, но глубокая структура остается идентичной. Это сильно указывает на координацию, которая не является лишь человеческой, но и духовной. Это локализованные проявления одной единственной космической войны.

Масоны, эти полезные инструменты творений Самаэля, играют ключевую роль в качестве организационной сети. Масонские ложи предоставляли – и продолжают предоставлять – коммуникационную, идеологическую и финансовую инфраструктуру для революционных движений. Это не теории заговора; это задокументированная История. Лидеры Французской революции были преимущественно масонами. Революционеры португальские либералы 1820 года были масонами. Республиканцы 1910 года были масонами. Русские большевики имели обширные масонские связи.

Масонство представляется как филантропическое общество, посвященное высоким идеалам универсального братства. На практике оно функционирует как пятая колонна внутри христианских наций, систематически работая над разрушением традиционных структур и внедрением секулярно-гуманистической повестки, которая по своей сути антикристианская. Клятвы крови, секретные ритуалы, скрытая иерархическая структура – всё это указывает на религиозную природу масонства – религию тайн, которая напрямую конкурирует с Христианством.

И не без значимости, что высшие степени масонства явно люциферіanские. Альберт Пайк, авторитет в масонстве XIX века, написал в своей "Морали и догма": "Люцифер, Носитель света! Странное и загадочное имя для Духа Тьмы! Люцифер, Сын Утра! Он ли приносит Свет?" Эта дьявольская инверсия – представить Отца лжи как носителя просвещения – лежит в основе масонства и, следовательно, революций, которые оно поддерживает.

Революции представляются как движения просвещения, приносящие свет разума, чтобы развеять тьму суеверия. Но свет, который они приносят, – это ложный свет Люцифера, который ослепляет вместо того, чтобы просвещать, который ведет в бездну, обещая возвышение. Исторические плоды говорят сами за себя: где бы ни одерживали победу революции, за ними следуют массовая смерть, культурное разрушение, моральная деградация и порабощение наций под новыми тираниями, е ще более угнетающими, чем старые.

Рассмотрите Францию: до революции это была великая католическая нация, первенец Церкви,

культурная и военная мощь Европы. После революции и её последствий, секуляризированная, революционно нестабильная на протяжении полутора веков, демографически ослабленная, сегодня исламизированная и культурно оторванная от своих христианских корней. Рассмотрите Португалию: до либеральных революций это была глобальная империя, миссионер веры, открыватель миров. После революций империя потеряна, нестабильная и обедневшая республика, сегодня незначительный придаток бюрократизированной Европы.

Вендеаны боролись не только за физическое выживание, но и за сохранение цивилизации. Они интуитивно понимали, что революция не просто намеревалась изменить правительство, но радикально преобразовать саму природу общества, уничтожая все святое и традиционное. Поэтому они сопротивлялись с героическим отчаянием. Поэтому женщины и дети брали в руки оружие, когда мужчины падали. Поэтому они предпочитали умереть, чем подчиниться.

И они погибли тысячами. Адские колонны методично сметали регион на протяжении месяцев. После прохождения революционных войск оставались лишь пепел, трупы и тишина. Свидетели республиканцы описывали Вендия после кампаний по уничтожению как лунный пейзаж, мертвую землю, где ничего не двигалось, кроме воронов, поедающих не похороненные трупы.

Среди вендеанов были герои, которых стоит помнить. Анри де Ла Рошешаклен, молодой дворянин всего 21 года, ставший генералом католической и королевской армии, провозгласил своим войскам: "Если я иду вперед, следуйте за мной; если я отступаю, убейте меня; если я умру, отомстите за меня!" И он погиб, всего в 22 года, преданный и убитый в засаде. Франсуа Шаретт де Ла Контри, еще один лидер вендеанов, захваченный и расстрелянный в 1796 году, отказался от повязки на глазах и лично командовал расстрельной командой: "Да здравствует король!" — были его последние слова.

Были и женщины-воительницы. Жанна Лежер, крестьянка, сражавшаяся в мужской одежде. Рене Бордеро, которая потеряла всю семью и поклялась в мести, став легендой как "Смелая Анжевина". Эти женщины не боролись за абстрактную идеологию, а за Бога, семью и родину – естественную троицу, которую революционеры стремились уничтожить.

С революционной стороны, каких героев мы имеем? Каррьер, массовый утопленник. Тюрро, истребитель детей. Вестермана, который хвастался тем, что раздавливает младенцев. Робеспьер, который отправлял вчерашних друзей на гильотину сегодня. Сен-Жюст, молодой фанатик, который превратил террор в систему. Какую галерею монстров произвела "свобода, равенство и братство"!

Вендия была в конце концов усмирена не военной победой, а истощением через геноцид. Просто не осталось достаточно вендеанов, чтобы продолжать борьбу. Выжившие, травмированные и разбросанные, поддались. Региону потребовались поколения, чтобы восстановить демографическую ситуацию. И даже сегодня, более двух столетий спустя, Вендия остается ярко католической и консервативной, сохраняя предковую память о мученичестве.

Португалия знала своих собственных мучеников в периоды революций, хотя они были менее известны. Священники, убитые во время французских вторжений, чьи имена канули в Лету. Религиозные деятели, погибшие во время либеральных революций. Сам царь Д. Карлуш и наследный принц Луиш Филип, убитые в 1908 году карбонариями (террористическая организация, связанная с масонством) – предвестие республиканской революции 1910 года.

Регицид 1908 года особенно показателен. Это не был акт спонтанного отчаяния, а тщательно спланированная операция революционной сети. Убийцы, Алфредо Кошта и Мануэл Буиса, б ыли карбонариями, связанными с республиканскими и масонскими группами. После убийства они были немедленно возведены в ранг героев республиканской пропагандой. Когда Республика была провозглашена два года спустя, их официально почитали как мучеников свободы. Убийцы, превращенные в национальных героев – вот обратная мораль, характерная для революций.

Д. Карлуш, несмотря на свои личные недостатки, был помазанником Бога, законным царем. Его убийство было не только политическим преступлением, но и святотатством. А плоды регицида? Португальская республика, нестабильная с самого начала, пережила 45 правительств всего за 16 лет (1910-1926), погрузилась в долги, яростно преследовала Церковь, катастрофически втянулась в Первую мировую войну и завершилась военной диктатурой в 1926 году. Такова "свобода" республиканцев!

Первая мировая война заслуживает упоминания здесь, потому что во многих отношениях она стала кровавым сбором плодов революционных семян, посеянных в XIX веке. Остатки христианских монархий Европы уничтожали друг друга в безумной братской войне, в то время как революционные силы ожидали в тени, чтобы унаследовать руины. И они унаследовали: русская империя пала под большевизмом, австро-венгерская империя была распущена, немецкая империя превратилась в нестабильную республику, которая в конечном итоге породила нацизм, османская империя рухнула.

Только революционные республики – Франция и Англия (конституционная монархия на вид, но революционная по сути с 1688 года) – вышли "победителями". И что они сделали с этой победой? Они навязали либеральный мировой порядок, основанный на революционных принципах: национальная самоопределение

(уничтожение традиционных многонациональных империй), парламентская демократия (замена легитимных монархий), секуляризм (маргинализация Церкви) и международный финансовый порядок (контроль со стороны банкиров).

Лига Наций, предшественница ООН, была попыткой создать мировое правительство, основанное на революционных принципах. Она потерпела неудачу, но установила прецедент. Вторая мировая война дала повод для второй попытки, на этот раз успешной: Организация Объединённых Наций, настоящий мировой парламент порождений Самаэля, откуда постоянно исходят резолюции и конвенции, направленные на дальнейшее разрушение последних сопротивлений традиционной христианской цивилизации.

Но вернёмся к XVIII веку и связи между революциями. Революционная идеология была тщательно подготовлена в течение предшествующих десятилетий через так называемое Просвещение. Французские философы – Вольтер, Руссо, Дидро, Даламбер и их товарищи – не были независимыми мыслителями, возникшими спонтанно. Во многих случаях они финансировались богатыми покровителями, часто связанными с международными финансовыми сетями.

Вольтер, самый ядовитый из этих интеллектуальных змей, посвятил всю свою жизнь атаке на Христа и Его Церковь. "Écrasez l'infâme!" ("Смятите инфамного!") был его боевым кличем, имея в виду Католическую Церковь. Его произведения, широко распространявшиеся через масонские сети, отравили два поколения образованных европейцев. Руссо, с его " Общественным договором", предоставил теоретическое обоснование для демократической тирании. "Общая воля" Руссо стала легитимацией для Террора: всё дозволено во имя этой абстрактной воли, удобно интерпретируемой революционными лидерами.

Эти идеологические яды были импортированы в Португалию через иностранцев – португальских интеллектуалов, которые учились во Франции и возвращались зараженными. Академии, литературные общества, интеллектуальные салоны стали центрами распространения революционных идей. Маркиз де Помбаль, хотя и служил абсолютистской монархии, ввел реформы, вдохновленные просвещенным деспотизмом, которые подрывали традиционные основы. Изгнание иезуитов в 1759 году стало серьезным ударом по Церкви и традиционному образованию.

Иезуиты, несмотря на все свои человеческие недостатки, были позвоночником католического образования и интеллектуального сопротивления секуляризации. Их изгнание из Португалии, Франции, Испании и, в конечном итоге, временное подавление Папой (под давлением борбонских дворов) в 1773 году, стало стратегической победой антихристианских сил. Это создало образовательный вакуум, который был заполнен идеями Просвещения.

Здесь мы снова видим связь между Португалией и Францией: обе страны изгнали иезуитов в одни и те же десятилетия, под давлением одних и тех же сетей влияния, подготавливая идеологическую почву для будущих революций. Шаблоны повторяются, потому что исходят из единого источника.

Масонские ложи процветали в обеих странах в XVIII веке. Во Франции практически вся интеллектуальная и политическая элита была вовлечена в масонство до революции. Сам герцог Орлеанский, кузен царя Луи XVI и предатель своей династии, был Великим магистром французского масонства. Он финансировал революционную пропаганду и поддерживал якобинцев в надежде унаследовать трон. Вместо этого он в конечном итоге был казнен на гильотине монстрами, которых помог создать – восхитительная ирония Истории.

В Португалии масонство прочно утвердилось в конце XVIII века и начале XIX века. Французские вторжения принесли приток французских масонов, которые вербовали португальцев. После 1820 года португальская масонерия практически стала синонимом либерального движения. Все основные либеральные фигуры были признанными масонами.

Масонство обеспечивало организационную инфраструктуру, которую обычные политические партии не могли сравниться. Это была международная сеть с финансовыми связями, возможностью секретной коммуникации, дисциплинированной иерархией и общей идеологией. Революционный масон из Лиссабона мог поехать в Лондон или Париж и сразу же найти поддержку от местных лож. Этот революционный интернационализм был мощным оружием против традиционных монархий, которые, несмотря на династические связи, часто враждовали друг с другом.

И вот мы подошли к кажущемуся парадоксу: европейские христианские монархии, которые должны были быть объединены общей верой и защитой христианской цивилизации, в XVII и XVIII веках вели друг с другом войны в мелочных династических конфликтах. Тем временем революционные сети терпеливо, скоординированно и международно работали, подготавливая разрушение всех них.

Когда наконец революция вспыхнула во Франции, иностранные монархии изначально попытались вмешаться. Австрия и Пруссия объявили войну революционной Франции в 1792 году. Однако они сделали это колеблясь, разделённые, всегда озабоченные своими взаимными соперничествами. Эта неспособность объединиться против общего врага позволила революционной Франции не только выжить, но и в конечном итоге завоевать большую часть Европы под управлением Наполеона.

Наполеон является сложной фигурой в этом повествовании. С одной стороны, он восстановил некоторые традиционные структуры: подписал конкордат с Церковью, восстановил юридические коды, короновал себя императором. С другой стороны, он остался сыном революции, распространяя наполеоновский кодекс (основанный на революционных принципах) по всей Европе, разрушая Священную Римскую империю (последний формальный остаток единой средневековой христианской церкви) и атакуя Папу.

Наполеоновские вторжения в Португалию и Испанию были особенно значительными. Иберийский полуостров был одним из самых консервативных и католических бастионов Европы. Его нужно было завоевать и преобразовать. Пиренейские войны (1807-1814) были, на поверхности, военными конфликтами между Францией и англо-португальско-испанской коалицией. На глубинном уровне это была идеологическая война между революцией и традицией.

Испанские партизаны и простые португальцы, сопротивлявшиеся французам, не боролись в первую очередь за современный национализм (понятие еще в зачаточном состоянии), а за веру и царя. Боевые крики звучали "Да здравствует Дева!" и "Да здравствует Царь!" Зверства, совершенные французскими солдатами против гражданского населения – графически задокументированные в ужасных гравюрах Гойи – были не просто обычной военной жестокостью, а отражали идеологическую революционную ненависть к католическому народу.

Когда наконец Наполеон пал, и Венский конгресс (1814-1815) попытался восстановить европейский порядок, было уже слишком поздно. Революционные идеи распространились необратимо. Священный союз, попытка российских, австрийских и прусских монархий сохранить традиционный порядок, с самого начала была саботирована Англией, которая уже приняла достаточно либеральной идеологии, чтобы считать абсолютное восстановление неприемлемым.

И здесь мы видим критическую роль Англии в этой саге. Английская "Славная революция" 1688 года была во многом предшественницей Французской революции. Вильгельм Оранский, финансируемый голландскими и английскими банкирами, сверг легитимного царя Якова II и установил конституционную монархию, где парламент (контролируемый олигархией аристократов и финансистов) обладал реальной властью. Декларация прав 1689 года установила многие принципы, которые затем вновь появились в революционных конституциях.

Англия, следовательно, стала лабораторией, где тестировались революционные техники, которые затем были применены в континентальном масштабе. Англия последовательно поддерживала либеральные движения на континенте в течение XIX века, включая португальских либералов. Не из альтруизма, а потому что либеральные режимы с долгами были более легко контролируемыми британскими финансовыми интересами.

что традиционные абсолютные монархии.

Португалия фактически стала полупротекторатом Британии после наполеоновских войн. Торговые соглашения значительно благоприятствовали Англии. Военное присутствие Британии в Португалии во время войн создало зависимость. Когда вспыхнула гражданская война между либералами и абсолютистами, Англия решительно поддержала либералов, предоставив им жизненно важную морскую и финансовую помощь. Д. Педру IV (Д. Педру I Бразилии), лидер либералов, был глубоко связан с масонскими сетями и имел поддержку Британии.

Либеральная победа в Португалии в 1834 году была, следовательно, победой международной революционной повестки, так же как и внутренним португальским событием. И результаты были предсказуемыми: хроническая политическая нестабильность, растущее долговое бре мя, потеря международного влияния, бесконечные секторальные конфликты и медленная агония нации.

Упразднение религиозных орденов в 1834 году заслуживает более детального анализа, поскольку оно идеально иллюстрирует антихристианский характер либеральной революции. Это не было рациональной административной мерой; это была идеологическая атака. Религиозные ордена выполняли незаменимые социальные функции: образование (иезуиты, ораторианы, учительские конгрегации), здравоохранение (госпитальные ордена), благотворительность (францисканцы, мерседарии), сельское хозяйство (цистерцианцы, бенедиктинцы) и сохранение культуры (бенедиктинцы, регулярные каноники).

Либералы, упраздняя эти ордена, конфискуя их имущество и рассеивая их членов, не только атаковали Церковь; они разрушили социальную инфраструктуру. Конвентские школы были закрыты; кто будет обучать детей? Религиозные больницы были закрыты; кто будет заботиться о больных? Приюты были упразднены; кто будет кормить бедных? Либеральный ответ был: Государство. Но либеральное португальское Государство, хронически разоренное и неорганизованное, никогда не смогло адекватно заменить разрушенные религиозные учреждения.

Результатом стало культурное и социальное обнищание. Уровень грамотности, который медленно рос под влиянием религиозного образования, застопорился. Услуги здравоохранения ухудшились. Бедные, которые находили убежище в религиозных учреждениях, остались брошенными. Но либералов на самом деле не интересовало благополучие народа; их интересовало разрушение власти Церкви и завладение её богатствами.

Конфискованные имущества – обширные участки земли, городские здания, произведения искусства, библиотеки, архивы – были проданы на публичных торгах по смехотворным ценам. Покупателями, как и ожидалось, стали

спекулянты, связанные с либеральным режимом, иностранные торговцы (особенно англичане) и члены новой либеральной буржуазии. Это была массовая передача богатства из Церкви (которая использовала его для общественных нужд, несмотря на неизбежные человеческие недостатки) к частным спекулянтам (которые использовали его исключительно для личной выгоды).

Монастырские библиотеки, хранилища веков накопленных знаний, были рассеяны или уничтожены. Драгоценные средневековые манускрипты исчезли на рынке антиквариата или были буквально использованы в качестве оберточной бумаги. Иллюминированные кодексы, исторические документы, генеалогические архивы – неоценимое наследие было утеряно из-за преступной небрежности или преднамеренного уничтожения.

И почему эта особая ярость против исторических и генеалогических документов? Потому что они документировали историческую непрерывность иберийских народов с незапамятных времен, включая связи с древними миграциями наследников Обещания. Потому что они доказывали легитимность королевских и дворянских родов. Потому что они подтверждали законное право на землю и права. Потому что они сохраняли историческую память, которую революционеры хотели стереть, чтобы легче навязать свою сфабрикованную нарратив о " прогрессе" против "обскurantismo".

Этот шаблон разрушения архивов повторяется во всех революциях. Французские революционеры систематически сжигали дворянские и церковные архивы. Большевики массово уничтожали или подделывали исторические записи. Маоисты, во время Культурной революции, разрушали тысячелетние храмы и сжигали миллионы старинных книг. Это не иррациональный вандализм; это преднамеренное стирание коллективной памяти, чтобы создать "нового человека" без корней, без прошлого, совершенно податливого.

Во Вендии, после геноцида, революционеры пытались буквально стереть регион с карты. Были предложены планы по переименованию этой территории, её заселению революционными колонистами и уничтожению любой памяти о том, что там произошло. К счастью, эти крайние планы не были полностью реализованы, но намерение было ясным: не только убить вендеанов, но и стереть их собственное историческое существование.

В XIX веке Вендия была фактически стерта из официальной историографии Франции. Учебники не упоминали о ней или представляли ее как простое восстание невежественных крестьян, манипулируемых фанатичными священниками и амбициозными дворянами. Реальность — преднамеренный геноцид католического населения революционным режимом — тщательно скрывалась. Только в конце XX века, благодаря смелым историкам, таким как Рейнальд Сешер, правда началаEmerging.

И даже сегодня полная история Вендии остается спорной во Франции. Предложения о официальном признании геноцида сталкиваются с яростным сопротивлением со стороны секторов, которые все еще почитают Французскую революцию как основополагающее событие современности. Признание геноцида вендийцев подразумевало бы сомнение в моральной легитимности самой революции — и это, для французских республиканцев, является неприемлемым анафемой.

В Португалии произошел аналогичный процесс: гражданские войны XIX века, религиозные преследования, массовые убийства католиков и монархистов были минимизированы или проигнорированы республиканской историографией. Д. Мигел, абсолютный царь, был превращен в злодея официальной нарративы, в то время как либералы были героизированы. Только недавно начали появляться более сбалансированные исследования.

Но историческая правда, хотя и может быть временно подавлена, в конечном итоге возникает. Документы сохраняются в темных архивах. Воспоминания продолжают жить в устных традициях. Потомки убитых сохраняют истории. И когда честные исследователи обращаются к первоисточникам, они обнаруживают реальности, которые резко противоречат официальным нарративам.

Теперь углубимся немного больше в эсхатологическое измерение этого анализа. Книга Даниила, особенно главы 2, 7 и 8, представляет собой пророческое видение последовательности мировых империй. Традиционная христианская интерпретация идентифицирует эти империи как Вавилон, Мидию-Персию, Грецию и Рим. Римская империя, согласно этой интерпретации, никогда по-настоящему не падала; она трансформировалась в европейскую христианскую цивилизацию.

Христианские монархии Европы были, в этом понимании, законными преемниками Рима – не римского языческого имперского Рима, а христианизированного Рима, освященного обращением Константина и установлением христианства как официальной религии. Священная Римская империя, несмотря на свои практические ограничения, символически представляла эту непрерывность.

Когда Наполеон распустил Священную Римскую империю в 1806 году, это было не просто политическим актом; это был символический удар по самой идее единой христианской веры. И не случайно, что французские революционеры ранее отменили христианский календарь (1793), заменив его революционным календарем, который начинался с "Года I Республики" – богохульная попытка перезапустить Историю, стерев Помазанника и установив новую эру.

Революции, таким образом, не стремились лишь изменить правительства или э кономические системы. Они имели целью установить радикально новый мировой порядок, основанный на антихристианских принципах: народный суверенитет вместо божественного, права человека вместо божественного закона, автономный разум вместо откровения, материальный прогресс вместо духовного спасения. Это была, и есть, попытка построить современную Башню Babel.

И как оригинальная Вавилон, она обречена на провал. Но в процессе она причинит огромные страдания. Она уже причинила: три века с начала либеральных революций стали свидетелями катастрофических мировых войн, геноцидов в индустриальном масштабе, беспрецедентных тоталитаризмов, ускоренной моральной деградации и духовного разрушения целых цивилизаций.

Наследники Обещания в Западной Европе – те народы, которые, согласно англо-израильской, иберо-израильской и франко-израильской перспективам, являются потомками потерянных колен Израиля – стали особой мишенью этой войны, потому что представляют собой наибольшее препятствие для глобалистских планов потомков Самаэля. Народ, осознающий своё библейское наследие, верный Помазаннику, укоренённый в тысячелетних традициях, организованный в органические социальные структуры, не поддается управлению архитекторами Нового мирового порядка.

Поэтому на протяжении веков эти народы систематически подвергались атакам: идеологически (просвещение, либерализм, социализм), политически (революции, гражданские войны), военно (мировые войны), экономически (задолженность, эксплуатация) и культурно (пропаганда, деградация). Цель всегда одна и та же: выкорчевать, атомизировать, запутать, ослабить и, в конечном итоге, полностью подчинить.

Христианские монархии, несмотря на все свои человеческие недостатки, представляли собой институциональное препятствие для этого проекта. Поэтому их нужно было разрушить. И они были разрушены, одна за другой, на протяжении XIX и XX веков. Сегодня оставшиеся монархии в Европе являются конституционными, то есть декоративными – цари и королевы, которые царствуют, но не правят, символы, лишенные реальной власти, поддерживаемые только потому, что больше не представляют угрозы.

Снос монархий шел рука об руку с принудительной секуляризацией обществ. Церковь, постепенно маргинализированная, потеряла социальное влияние. Образование стало секуляризированным. Религиозные праздники были заменены светскими. Религиозный брак утратил юридическое преимущество перед гражданским браком. Развод, контрацепция, аборт, эвтаназия – все традиционные моральные защиты были систематически разрушены.

И сегодня, в XXI веке, мы подошли к финальной стадии: само определение мужчины и женщины подвергается деконструкции. Гендер объявляется "потоковым". Брак переопределяется, чтобы включать антиприродные союзы. Дети подвергаются сексуальной пропаганде с раннего возраста. Традиционная семья подвергается атакам как "патриархальная" и "угнетающая". Рождаемость падает. Целые нации умирают демографически.

Это совпадение? Или это логичный и предсказуемый результат веков революции против Бога? Когда отвергается Творец, когда провозглашается абсолютная человеческая автономия, когда божественный закон заменяется человеческой волей, нет логического предела падению в бездну. Если Бог не определяет, что является правильным и неправильным, тогда всё позволено. Если Бог не определяет, что такое мужчина и женщина, тогда я могу определять себя как угодно. Если Бог не sovereign, тогда я sovereign. Вот суть люциферийского восстания, повторяющаяся сейчас в цивилизационном масштабе.

Вендия, рассматриваемая в этом свете, была героической задней борьбой, но в конечном итоге обречённой на провал в войне, которая уже была в сущности проиграна. Вендеаны сражались храбро, но они были небольшой областью против мощи консолидированного революционного государства, контролировавшего ресурсы одной из самых могущественных наций Европы. Их поражение было предсказуемо. Но их сопротивление имело абсолютную моральную ценность: они засвидетельствовали истину, когда почти все покорились лжи.

И здесь кроется важный урок для наших времен: временная победа не является критерием истины. Христианские мученики в римском Колизее не "победили", когда их поглощали львы; но они засвидетельствовали истину, и их свидетельство (мученичество означает именно "свидетельство") в конечном итоге привело к обращению самого империи, которая их убивала. Вендеаны не одержали военной победы; но они засвидетельствовали вечные ценности против кровавой утопии.

В Португалии побежденные мигелисты сохранили в своих деревнях внутренней части страны память о традиционном католицизме и легитимном монархизме, которая пережила поколения. Даже сегодня, спустя полтора века, существуют измеримые различия между регионами, которые были мигелистами, и регионами, которые были либеральными. Первые сохранили большую религиозность, более традиционные семейные структуры и менее революционное мышление.

Это демонстрирует, что культурные и духовные битвы имеют длительные последствия. Выборы, сделанные нашими предками, отзываются через поколения. Те, кто оставался верным, даже будучи побежденными, передали эту верность потомкам. Те, кто принял революцию

передали эту измену.

И вот мы подошли к ключевому моменту: война не закончилась. Это была не единственная битва, завершившаяся в XIX веке. Это вечная война между двумя городами, как объяснил Святой Августин: Город Божий против Города Человека. Эта война продолжается через все эпохи, принимая различные формы, но сохраняя идентичную сущность.

В XVIII-XIX веках это проявилось в виде Либерально-масонских революций против христианских монархий. В XX веке — как коммунистические и фашистские тоталитаризмы против христианской цивилизации. В XXI веке это проявляется как прогрессивный глобализм против того, что осталось от традиционного порядка. Лица меняются, но дух остается прежним: восстание против Бога, попытка построить земной рай без Него, преследование тех, кто отказывается поклоняться на светском алтаре.

Современные вендеаны не берут в руки физическое оружие (пока), но ведут не менее важные битвы: за жизнь ненарожденных против индустриального аборта, за естественную семью против гендерной идеологии, за национальный суверенитет против глобализма, за веру против воинствующего секуляризма. И их оскорбляют точно так же, как и оригинальных вендеанов: как "реакционеров", "фанатиков", "обскурентистов", "врагов прогресса".

Техники пропаганды остаются прежними: моральная делегитимация традиционалистов, представление их как движимых ненавистью вместо любви к истине; дегуманизация, изображение их как угрозы для общества; экономическая и социальная маргинализация через цензуру и остракизм; и, когда это необходимо, применение государственной силы против них.

Мы уже видим, как это происходит: родители, которые выступают против гендерной идеологии в школах, подвергаются расследованию со стороны социальных служб; христиане, которые цитируют Библию о сексуальной морали, привлекаются к суду за "речь ненависти"; бизнесы, которые отказываются участвовать в церемониях, противоречащих их вере, штрафуются и закрываются; врачи, которые отказываются делать аборты, вынуждены менять профессию.

Это преследование. Пока еще не на уровне Вендии или римских арен, но это явное преследование. И оно ухудшится. Тоталитарная логика, однажды запущенная, не останавливается добровольно. Она всегда нарастает, требуя все большей конформности и все меньше терпя инакомыслие, пока в конечном итоге мы не дойдем до точки "обратись или умри".

История французских и португальских революций, следовательно, не является просто антикварным любопытством. Это пролог нашего настоящего и предупреждение о нашем будущем. Силы, которые уничтожили вендеанов, не исчезли; они отступили, реорганизовались, адаптировались и теперь снова наступают, на этот раз в глобальном масштабе.

Новый мировой порядок, о котором так много говорят, не является конспирологической фантазией; это открыто заявленный проект политических, финансовых и культурных лидеров на протяжении десятилетий. Мировой порядок, основанный на глобальном правительстве, единой валюте, тотальном наблюдении, контроле населения, абсолютном моральном релятивизме и полной маргинализации традиционного христианства. Это, по сути, возрождение революционной попытки XVIII-XIX веков, теперь оснащенной технологией, несравненно более мощной.

И против этого, какая может быть сопротивление? Говоря с человеческой точки зрения, это кажется невозможным. Глобалистские силы контролируют правительства, центральные банки, транснациональные корпорации, СМИ, университеты, международные агентства. У них практически неограниченные ресурсы. Они координируются на глобальном уровне. Они неумолимо продвигаются вперед.

Но с человеческой точки зрения, также было невозможно, чтобы двенадцать неграмотных рыбаков обратили Римскую империю. Было невозможно, чтобы крестьяне-вендеаны победили (даже временно) профессиональные республиканские армии. Было невозможно, чтобы Давид победил Голиафа. Тем не менее, это произошло.

Потому что мы не находимся в войне лишь человеческой. "Мы не должны сражаться против плоти и крови, но против начальств и властей, против мироправителей тьмы этого века, против духов злобы поднебесной" (Ефесянам 6:12). Это духовная война, где конечный результат уже определен: "Я также видел зверя и царей земли, и их армии, собравшихся для войны против сидящего на коне и его войска. Но зверь был пойман, и с ним лжепророк... Оба были брошены живыми в озеро огненное" (Откровение 19:19-20).

Окончательная победа принадлежит Помазаннику и Его верным. Но это не означает, что путь к этому будет легким. Откровение описывает интенсивные преследования святых в последние времена. Оно описывает войну против них и временную кажущуюся победу зверя. Многие будут замучены. "Вот здесь терпение святых, хранящих заповеди Бога и веру" (Откровение 14:12).

Вендеаны стали мучениками этой непрекращающейся войны. Преследуемые португальские католики были мучениками. Христиане, казненные коммунистами, были мучениками. И будет еще больше мучеников. Но каждая капля крови мученика — это семя будущего урожая. "Кровь мучеников — это семя Церкви", — сказал Тертуллиан, и История это неоднократно подтверждает.

Поэтому размышления о Вендии и о революциях в Португалии и Франции не являются мрачным упражнением по воспоминанию о прошлых ужасах. Это духовная и интеллектуальная подготовка к настоящим и будущим сражениям. Это обучение у героев и мучеников прошлого, как оставаться верными в условиях универсальной apostasии. Это понимание тактики врага для лучшего сопротивления.

И прежде всего, это напоминание о том, что битва не наша, а Бога. "Не бойтесь и не стра шитесь из-за этого великого множества, ибо битва не ваша, а Бога" (2 Паралипоменон 20:15). Наша задача не в том, чтобы гарантировать временную победу (которая может и не прийти), а в том, чтобы оставаться верными, свидетельствовать о правде и передавать веру следующему поколению, что бы ни случилось.

Вендеаны сделали именно это. Даже перед лицом сокрушительного поражения, даже перед лицом геноцида, они остались верными. Они отказались подчиняться конституционным священникам. Они отказались отречься от законного царя. Они отказались принять новый революционный порядок. И поэтому они были физически уничтожены. Но они одержали духовную победу. Их память, хотя и подавлялась на протяжении веков, наконец, возродилась. И сегодня вендеаны признаются мучениками и героями, в то время как их преследователи (для тех, кто все еще способен видеть) признаются геноцидными монстрами.

Истина может быть распята, но всегда воскресает на третий день. Она может быть подавлена, но никогда окончательно уничтожена. И в конце времен вся истина будет раскрыта, вся ложь exposed, и справедливость наконец восторжествует.

До тех пор оставайтесь верными. Изучайте истинную Историю, а не пропаганду. Понимайте тактики врага. Укрепляйте нашу веру. Укореняйтесь в традициях наших предков. Передавайте наследие нашим детям. Сопротивляйтесь, интеллектуально и духовно, революционной волне. И готовьтесь быть свидетелями, чего бы это ни стоило.

Как кричали вендеаны, когда шли в бой: "Бог и Царь!" – так и мы должны кричать, метафорически или буквально, в наше время. Бог, Творец Всемогущий, источник всей власти и истины. И Царь – Царь царей, Христос, Помазанник, истинный суверен, которому

мы должны читать	подчиняется абсолютная преданность, и под Ним легитимные структуры власти, которые Он установил	.

Земная монархия является несовершенным символом небесной монархии. Именно поэтому революционеры так ее ненавидят: символ уничтожается, чтобы атаковать реальность, которую он символизирует. Земного царя обезглавливают в ритуале восстания против Небесного Царя. Но Небесного Царя нельзя обезглавить. И Он вернется в славе, чтобы судить живых и мертвых, уничтожить Своих врагов и установить Своё окончательное Царство.

Это наша надежда, наше утешение и наша уверенность. Она не основана на человеческом оптимизме или политической идеологии, а на божественном обещании, зафиксированном в Писаниях и подтвержденном провидческой Историей. Бог действует в Истории. Не так, как ожидают или желают люди, не по человеческим графикам, а согласно Своему вечному плану, который неумолимо разворачивается.

Революции, кажется, торжествуют. Нечестивые, кажется, процветают. Верные, кажется, потерпели поражение. Но "кажется" не значит "есть". Временная видимость не является вечной реальностью. И именно в свете вечности мы должны судить обо всем.

Судимые вечностью, уничтоженные вендеаны являются победителями и славными. Революционеры, которые их уничтожили, потерпели поражение и прокляты. Судимые вечностью, монахи и монахини, изгнанные из португальских монастырей, являются героическими мучениками. Либералы, которые их изгнали, являются предателями веры и родины. Судимые вечностью, традиционные христианские монархии, несмотря на все свои недостатки, были бесконечно превосходнее революционных республик, которые их заменили.

И именно поэтому – из этой вечной перспективы, которая относит и правильно судит временные перспективы – порождения Самаэля и его масонские лакеи так ненавидят традиционное Христианство. Потому что оно разоблачает их лжи, делегитимизирует их проекты и предвещает их надвигающийся суд.

Вот почему они так яростно атаковали в Вендии. Вот почему они так неумолимо преследовали в Португалии. Вот почему они продолжают атаковать сегодня. Они не могут позволить, чтобы жила космология, которая абсолютно их осуждает. Они должны полностью ее уничтожить или, по крайней мере, полностью маргинализировать.

Но они не смогут. Христос пообещал: "Ворота ада не одолеют Моей Церкви" (Матфей 16:18). Он не обещал, что не будет преследований – предупредил, что они будут. Он не обещал постоянной временной победы – предсказал бедствия. Но Он пообещал окончательную и решающую победу. И Он не может лгать.

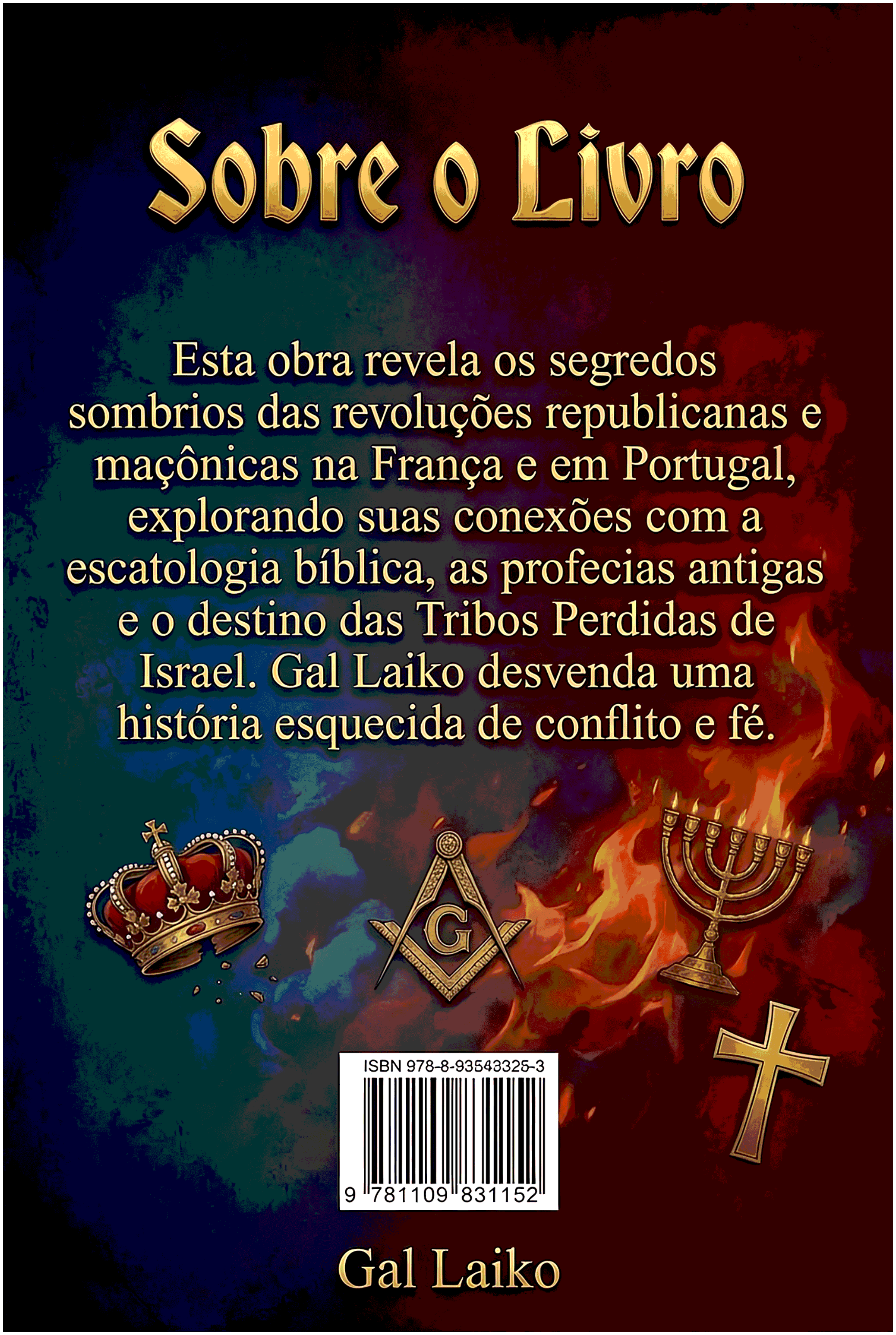
Поэтому давайте изучать Вендию не для того, чтобы отчаиваться, а чтобы подготовиться и вдохновиться. Давайте изучать революции не для того, чтобы смириться, а чтобы понять и сопротивляться. И оставайтесь верными, что бы ни случилось, зная, что "страдания временные не соизмеримы с той славой, которая будет открыта в нас" (Римлянам 8:18).

Павшие вендеаны восстанут на воскресение, чтобы получить свою награду. Их преследователи восстанут, чтобы получить свой суд. И в тот день вся История будет наконец правильно понята, вся несправедливость будет исправлена, и вся слеза будет стерта с глаз тех, кто остался верным.

До этого славного дня: сопротивление, верность и непоколебимая надежда. Это был урок Вендии. Это наше наследие. Это должно быть нашей практикой.

Бог и Царь! Да здравствует Христос Царь! И прочь революционная тирания, вчера, сегодня и всег е.
да.

Аминь.


Sobre o Livro
Esta obra revela os segredos sombrios das revoluções republicanas e maçônicas na França e em Portugal, explorando suas conexões com a escatologia bíblica, as profecias antigas e o destino das Tribos Perdidas de Israel. Gal Laiko desvenda uma história esquecida de conflito e fé.
G
ISBN 978-8-93543325-3
9 781109 831152
Gal Laiko